

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Андрианова Дарья Витальевна

**УСТОЙЧИВЫЕ ПАРНЫЕ СОЧЕТАНИЯ
В ЧЕШСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ
(лингвистический анализ)**

Специальность 10.02.03 – Славянские языки

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2013

Работа выполнена на кафедре славянской филологии филологического факультета
ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»

- Научный руководитель:** доктор филологических наук, профессор
Мокиенко Валерий Михайлович
- Официальные оппоненты:** доктор филологических наук, профессор
Зиновьева Елена Иннокентьевна
(ФГБОУ ВПО Санкт-Петербургский
государственный университет)
- кандидат филологических наук, доцент
Николаева Елена Каировна
(ФГБОУ ВПО Российский государственный
гидрометеорологический университет)
- Ведущая организация:** ФГБОУ ВПО Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена

Защита состоится «___» _____ 2013 года в ___ часов на заседании совета
Д 212.232.18 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-
Петербургском государственном университете по адресу: 199034, Санкт-
Петербург, Университетская наб., д.11, филологический факультет ФГБОУ
ВПО Санкт-Петербургского государственного университета, ауд. 195.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького
Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Санкт-
Петербург, Университетская наб., д.7/9).

Автореферат разослан «___» _____ 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Вяткина С.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Парность как ментальная и языковая универсалия признается учеными частным проявлением бинарности в ее онтологической и / или гносеологической ипостаси и активно изучается гуманитарными дисциплинами, в том числе лингвистическими (М.М. Бахтин, Вяч. Вс. Иванов, В.В. Колесов, Д.С. Лихачев, А.А. Потебня, Н.И. Толстой и др.).

Объектом реферируемой диссертационной работы является отражение феномена парности в языке и его проявление на внутрисловном, синтагматическом и фразеологическом уровнях в русском и чешском языках на материале устойчивых парных сочетаний.

Предметом исследования является компонентная и семантическая структура устойчивых парных сочетаний в чешском и русском языках.

Исследуемые обороты составляют значительный по объему разряд единиц, который обычно не рассматривается лингвистами комплексно, в том числе в силу того, что занимает диффузную позицию в структуре традиционной грамматической парадигмы. Бинарная конструкция объединяет семантически, генетически и функционально разнохарактерные образования, которые чаще всего создаются на базе смысловой оппозиции компонентов (*рано или поздно, волей-неволей, mít svůj rub i líc, přátelství na život a na smrt*), лексического или семантического повтора (*ходить ходуном, год за годом, srdečným srdcem říci, z ručičky do ručiček; с пылу с жару, любо-дорого, bída s nouzí, běhat od čerta k ďáblu*), тематической сопряженности компонентов (*разброд и шатание, dělat [něco] zuby nehty*) или рифмо-ритмического соответствия компонентов (*страсти-мордасти, шалтай-болтай, křížem krážem, láry fáry*).

Для номинации исследуемых единиц в данной работе используется наиболее общий и непротиворечивый термин *устойчивое парное сочетание* (далее *УПС*), который отражает целостность сложившейся тем или иным способом бинарной конструкции, не акцентирует специфики морфосинтаксического или фразеологического статуса рассматриваемых конструкций и не накладывает ограничений на подход к исследованию. Таким

образом, под УПС понимается воспроизводимая бинарная конструкция¹, компоненты которой тавтологичны, построены на созвучии либо обнаруживают лексико-семантическую связь различного типа. Типология таких единиц анализируется в работе.

Корпус исследования составляет примерно 1940 русских и 1130 чешских единиц (или 2 810 русских и 1500 чешских УПС, включая варианты), отобранных методом сплошной выборки из восьми русских, трех чешских словарей устойчивых выражений и одного чешско-русского фразеологического словаря. Основными **источниками материала** стали «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А.И. Молоткова, «Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII-XX века» А.И. Федорова, «Большой словарь русских поговорок» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, «Lidová rčení» Я. Заоралека, «Slovník české frazeologie a idiomatiky» Фр. Чермака, «Česká přísloví. Sbíрка přísloví, průpovědí a pořekadel lidu Českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku» В. Фляйшганса.

К настоящему моменту в лингвистике сформировалось несколько основных парадигм, в рамках которых исследуются отдельные структурные типы парных сочетаний, функционирующих обычно лишь в определенном регистре языка (аппозитивные сочетания и тавтологизмы изучаются на материале фольклора, фразеологизмы и индивидуально-авторские обороты – в художественной литературе, редупликации – в разговорной речи, сленге и под.). По сложившейся традиции отдельно рассматриваются редупликации, разнокоренные (гетерогенные) и однокоренные (гомогенные) парные сочетания, сочетания с сочинительной и подчинительной связью компонентов.

Теоретико-методологической основой диссертации послужили работы по общему языкознанию Н.Ф. Алиевой, Л. Блумфилда, О.Ю. Крючковой,

¹ В круг анализируемых в работе единиц также включаются отдельные обороты с усложненной структурой, компонентами которых может быть многочлен, образующийся в большинстве случаев путем экспликации бинорма (*ни кола ни двора ни [медного гроша (одна папаха пышина), (а верей толченые)]*), а также отдельные кватернарные конструкции, в которых возможно выделение двух бинормов (*граждане и гражданки от Купчина до Гражданки*). Включение таких оборотов в состав анализируемых единиц обусловлено тем, что они в основном являются вариантами «классических» УПС.

Ф.И. Рожанского, посвященные, в частности, фонетическим, ритмическим и семантическим закономерностям удвоения в языке; исследования по современной семантике, лексикологии и фразеологии Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А.М. Бушуя, В.М. Мокиенко, Л.А. Новикова, Л.И. Ройзензона, Н.М. Шанского; труды по истории языка В.В. Виноградова, Б.А. Ларина, В.В. Колесова, Д.С. Лихачева, Й. Губачека, Й. Янко; работы, посвященные языку русского фольклора А.П. Евгеньевой, А.А. Потебни, О.Б. Ткаченко, А.Т. Хроленко, И. Пачаи и др.

Актуальность работы связана с ее включенностью в контекст исследовательский феномена повтора и парности в языке на словном и фразеологическом уровне, необходимостью рассмотрения выделяемой категории УПС как системы в русском и чешском языках, а также в сопоставительном аспекте. УПС представляют собой объемный лингвистический материал, который нуждается в обобщении и теоретическом осмыслении для понимания природы этого языкового явления. Актуальность исследования также обусловлена целесообразностью рассмотрения семантических, тематических и идеографических аспектов широкого круга УПС, выделяемых по структурному принципу, с целью определения специфики их плана содержания. Сопоставительный анализ плана содержания исследуемых единиц в двух языках позволяет судить о характерных особенностях УПС как класса, а также об их индивидуальных чертах в русском и чешском языках. Немаловажное значение такой подход имеет также для исторической фразеологии сопоставляемых языков и выявления национальной специфики каждого из них.

Целью диссертационного исследования является сопоставление чешских и русских УПС в структурно-семантическом и идеографическом плане для выявления общих для единиц обоих языков характеристик и определения особенностей оборотов данного типа в каждом из языков.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) выявить и сопоставить основные структурные модели УПС в чешском и русском языках, установить случаи взаимосвязи общего значения УПС и конкретной модели или моделей;
- 2) выявить и проанализировать в сопоставительном плане интегральные семы (доминантные и недоминантные) в значениях чешских и русских УПС разных структурных моделей;
- 3) изучить и описать типы семантических взаимоотношений компонентов чешских и русских УПС;
- 4) дать историко-этимологический комментарий к отдельным УПС, представляющим интерес с диахронической и культурологической точек зрения;
- 5) проследить динамику и направление возможных семантических сдвигов в значениях компонентов УПС и во взаимоотношениях внутри бинорма;
- 6) представить тематическую характеристику компонентов чешских и русских УПС в сопоставительном аспекте;
- 7) выявить основные фразеосемантические поля чешских и русских УПС, определить состав и специфику этих полей, провести их сопоставительный анализ.

Решение перечисленных задач для достижения поставленной цели работы требует использования комплексной методики исследования, включающей **методы** сплошной выборки при работе с источниками материала, дескриптивный метод, включающий системный анализ, обобщение и интерпретацию исследуемого материала, типологический метод, позволяющий выделить и проанализировать наиболее характерные особенности рассматриваемого языкового явления на материале двух языков, сравнительно-лексикографический анализ словарных статей и дефиниций для выявления особенностей трактовки исследуемых единиц в разных источниках, метод структурно-семантического моделирования для понимания историко-этимологической составляющей в генезисе моделей УПС, а также семный анализ в ходе тематической стратифи-

кации УПС и их компонентов и метод межъязыкового сопоставления и описания УПС чешского и русского языка.

Научная новизна работы состоит в проведении целостного системного анализа УПС в чешском и русском языках в сопоставительном аспекте для определения типологически и / или генетически сходных особенностей, свойственных выделяемому разряду единиц, и их специфики в каждом из языков. Благодаря комплексному подходу к анализу УПС в современном русском и чешском языках в работе выделяется ряд действующих в диахроническом плане тенденций, обуславливающих разный характер развития данного разряда единиц в двух языках.

Теоретическая значимость работы состоит в попытке определить, чем обусловлено общее в порождении и функционировании УПС, что делает их типологической универсалией во многих языках мира, в чем заключается и чем определяется их национальная специфика. Представляется, что общее в чешских и русских УПС обусловлено как древними типологическими импульсами этого рода языковых единиц, так и генетическим родством двух славянских языков. Национально-специфическое генерируется конкретными историческими судьбами и закономерностями русской и чешской языковых систем.

Практическая значимость связана с тем, что материалы данного исследования могут послужить базой для дальнейших работ в области этимологии и сравнительно-сопоставительной лингвистики, лингвокультурологии, могут быть использованы в курсе преподавания чешского или русского языков в качестве источника устойчивых выражений, а также для занятий по практике перевода, диалектологии и разговорной речи. Материалы диссертации могут стать основой для двуязычного словаря устойчивых парных сочетаний.

Положения, выносимые на защиту:

1) УПС в современном чешском и русском языках характеризуются многообразием структурных и семантических моделей, представленных в обоих языках большим количеством единиц. В то время как набор структурных моделей русских и чешских гетерогенных, гомогенных и редукативных УПС за от-

дельными исключениями совпадает, количественная наполняемость и семантическая структура этих моделей в чешских и русских оборотах различны. Истоки этого несоответствия объясняются разными историческими путями, пройденными двумя родственными языками, следствиями ареального взаимодействия с разными языками, фонетическими различиями.

2) На разных этапах развития языка логико-семантический характер взаимоотношения компонентов внутри бинорма, функциональная нагрузка и употребительность УПС имеют в чешском и русском языках свою специфику. Эта специфика обусловлена различиями в соответствующих языковых системах и диахроническими тенденциями развития УПС.

3) Принцип объединения двух понятий в устойчиво воспроизводимую пару в чешских и русских оборотах чаще всего лежит вне логически выделяемых категорий синонимии и антонимии и определяется ассоциативными, ситуативными и рифмо-ритмическими факторами, которые часто действуют одновременно.

4) Специфику плана содержания УПС отдельных конструкций составляет набор обобщенных интегральных сем и ряд синтаксически связанных значений и в то же время отсутствие четкого соответствия значения УПС его структуре.

5) Одно из основных различий УПС чешского и русского языков заключается в несовпадении характера тематики их компонентов.

6) Различия чешских и русских УПС в идеографическом плане носят частный характер. Отдельные идеографические поля русских УПС формируются более системно, чем поля чешских УПС, которые представлены в большинстве случаев рядами синонимичных единиц с менее выраженными коннотативными и прочими различиями, чем русские.

Структура диссертации определяется последовательностью решения поставленных задач. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, списка словарных источников и их сокращений и двух прило-

жений с перечнем составивших корпус исследования чешских и русских УПС и их вариантов.

Апробация работы. Результаты исследования обсуждались на фразеологических семинарах под руководством проф. В.М. Мокиенко (2009–2011 гг.), нашли отражение в докладах и выступлениях на XXXVIII - XXXXLI ежегодных международных филологических конференциях в Санкт-Петербургском государственном университете (Санкт-Петербург, 2009–2012 гг.), на международной конференции «Оломоуцкие дни русистов» в университете им. Яна Палацкого (Оломоуц, 7–9 сентября 2011 г.), на международном симпозиуме «Русская лексикография и фразеология в контексте славистики: теория и практика» в Магнитогорском государственном университете (Магнитогорск, 18–20 ноября 2009 г.), на V международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации «Язык, коммуникация, перевод: контрасты и параллели» на факультете иностранных языков Военного университета (Москва, 1 июня 2011 г.). Всего по теме диссертации опубликовано 6 статей.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** определяются цели и задачи исследования, дается краткая характеристика изучаемого материала, обосновываются актуальность, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту. Во введении также анализируются основные научные парадигмы, в рамках которых традиционно исследуются отдельные типы парных сочетаний, связанные с ними классические дискуссионные проблемы, разновидности номинаций, конкретизируются критерии отбора материала, вводятся и определяются основные используемые в работе термины.

Первая глава «Структурно-семантическая характеристика чешских и русских УПС» состоит из четырех разделов, посвященных анализу основных типов синтаксического оформления исследуемых единиц. Внутри выделенных типов проводится инвентаризация структурных моделей, по которым

строятся УПС. Для каждой из моделей делается попытка выявления круга характерных *интегральных сем* (общих семантических компонентов (РЯ 2008: 447), присущих значениям всех рассматриваемых оборотов), а также определения отдельных *синтаксически связанных значений* (значений УПС, коррелирующих с конкретной структурной моделью), общих для чешских и русских УПС и специфичных для единиц каждого из языков.

В первом разделе рассматриваются союзные и бессоюзные УПС, классифицируемые на основании формальных показателей соединительной, разделительной связи или противопоставления компонентов. Анализ компонентного состава оборотов данного типа свидетельствует о том, что в абсолютном большинстве случаев они складываются из гетерогенных (неоднокоренных) элементов, выраженных обычно именами, реже глаголами, наречиями, словами других частей речи. В отдельных случаях определение частеречной принадлежности компонентов затруднено вследствие отсутствия у них формальных лексико-грамматических показателей: *ни тя, ни ча* – ср. урал. ‘неодобр. о чьем-л. бездействии’, *jest toho až huj buj* – ‘об изобилии чего-л.’ и под. Гомогенные УПС образуются по союзным моделям спорадически, их компоненты в русских оборотах обычно выражаются существительными, а компоненты чешских – наречиями и местоимениями.

Конструкции с соединительным типом связи компонентов в русских и чешских оборотах допускают варьирование союзов (*и, да, и – и / а, и*) и обнаруживают тенденцию к эллиптированию коннекторов, поэтому образованные по моделям с соединительными союзами и бессоюзные УПС рассматриваются в работе в рамках одной обобщенной структурной модели $\boxed{(V)+K1+\text{соед. со-}} \boxed{\text{юз}/(-)+K2}^2$. Данный тип связи в наименьшей степени детерминирует значения УПС, поэтому для оборотов, построенных по этой модели, не характерны синтаксически связанные значения. В то же время анализ плана содержания таких УПС позволяет выявить ряд совпадающих в русских и чешских единицах ин-

² Обозначения в формулах: *(V)* – факультативный глагольный элемент, *K1* и *K2* – компоненты биннома.

тегральных сем, доминантных или периферийных в значениях УПС: ‘хаос’ (‘неупорядоченность’, ‘изменчивость’, ‘непостоянство’, ‘хаотичность движения’), ‘широта охвата’ процесса или явления (‘единство и целостность’, ‘тщательность и основательность’, ‘суть, основа чего-либо’, ‘непрерывность и постоянство’, ‘частотность’, ‘повсеместность’), ‘интенсивность’, ‘обобщенное отрицание’ и некоторые другие. В качестве специфичных для чешских УПС интегральных значений выделяются ‘преодоление объективных препятствий на пути достижения какой-либо цели’ и ‘невыраженность, отсутствие характерных признаков чего- или кого-либо’. Для русских УПС исследуемой конструкции характерна не прослеживаемая в чешских единицах семантика небрежности, плохого качества, а также интегральная сема ‘большое количество’.

В отдельную объемную группу на пересечении УПС с соединительной и разделительной связью компонентов выделяются обороты с повторяющимся соединительно-усилительным элементом, построенные по модели $\boxed{\text{ни(не)+K1+ни(не)+K2}} / \boxed{\text{ani+K1+ani+K2}}$. Исследование семантического потенциала данной модели в чешских и русских УПС показывает, что в большинстве оборотов в качестве одной из доминантных присутствует конкретная реализация обобщенной интегральной семы ‘отсутствие’. Эта взаимообусловленность формы и содержания особенно отчетливо проявляется в чешской части картотеки исследования, где прослеживается почти во всех оборотах, вероятно, не в последнюю очередь по причине того, что в чешском языке данная конструкция с именными компонентами всегда сопровождается отрицательным глаголом. Русские УПС данного типа количественно значительно превышают долю аналогичных оборотов в чешской части корпуса и характеризуются более широким спектром возможных семантических «сценариев». Продуктивность этой модели в русских УПС способствует большей степени абстрагирования значений УПС от семантики компонентов, чем в чешских единицах.

Во втором разделе первой главы анализируются чешские и русские УПС, построенные по предложным моделям с одним или двумя предлогами, а также беспредложные обороты. Компонентами предложных УПС за редкими исключениями являются именные части речи и местоимения. Структурные модели, по которым строятся единицы данного типа, поддаются четкой инвентаризации, а сопоставление чешских и русских предложных моделей выявляет их практически полное совпадение в УПС двух языков. В отличие от УПС с союзным (бессоюзным) типом связи компонентов, характер взаимоотношений внутри предложного оборота сравнительно четко детерминируется предлогом или предлогами. В то же время выявление однозначных синтаксически связанных значений в предложных УПС осложняется многозначностью, синонимией и омонимией предлогов.

Анализ плана содержания гомогенных УПС с одним предлогом приводит к выводу о том, что значения таких оборотов обычно формируется на основании трех факторов: тенденция к интенсификации семантики, выражаемой корневой лексемой, входящей в состав УПС, тематическая принадлежность компонентов, часто соотносимая со сферой реализации конкретного значения, и семантика предлога, на основании которой создается первичное прямое значение УПС и его внутренний образ. Особенной выразительностью отличаются русские УПС с обобщенным значением ‘нарушение нормы’, в которых в качестве компонентов используются понятия, для которых следование друг за другом является нарушением их нормального, правильного положения или функционирования, как это происходит в ряде оборотов с предлогом *за* (*ребро за ребро заходит* – волг., перм., урал. ‘кому-л. очень тяжело, трудно от напряженной работы, душевных страданий’). В отдельных случаях, в частности в оборотах с предлогом *на*, можно говорить о тенденции к количественной или качественной интенсификации дублируемой лексики или обобщенного значения оборота (*девка на девку выросла* – арх. шутл. ‘о наличии в семье нескольких дочерей-невест’). Рассмотренные чешские гомогенные УПС с одним

предлогом демонстрируют широкую варьируемость семантики оборотов в рамках одной модели и одновременно синонимию предложных моделей.

Гетерогенные УПС с одним предлогом в картотеке исследования немногочисленны, и их анализ не позволяет выявить непосредственной связи между структурой и содержанием данных единиц. В то же время обращает на себя внимание единообразие значений чешских УПС рассматриваемой группы, связанное с меньшей, чем в русских единицах, степенью переноса значения. В большинстве рассматриваемых чешских гетерогенных УПС с одним предлогом переносное значение формируется непосредственно на базе свободного сочетания слов путем его обобщения, тогда как значение УПС в этом случае сводится к значению этого предлога ('порядок следования компонентов друг за другом', 'нарушение последовательности', 'добавление, суммирование' и под.).

УПС с двумя предлогами, как свидетельствуют данные настоящего исследования, характеризуются более системным характером, чем УПС с одним предлогом, а также более четкими взаимосвязями между значением и структурой оборота, в них наиболее явно прослеживается переносное значение.

Для русских гомогенных УПС с двумя предлогами характерно использование компонентов с пространственным и временным значением для выражения значений длительности, цикличности, дискретности какого-либо промежутка времени или процесса, а также динамики перемещения чего-либо. Чешские УПС данного типа, в свою очередь, менее единообразны в плане тематической принадлежности компонентов, часто в своей основе имеют пространственный образ перемещения чего-либо и характеризуют нестатичность, нестабильность чего-либо.

Чешские и русские УПС с гетерогенными компонентами в конструкции с двумя предлогами склонны к образованию синтаксически связанных значений, частично совпадающих в двух языках: 'бедность, бедственное положение', 'динамика изменения благосостояния, изменение социального статуса, положения', 'полнота, цельность характеризуемого явления, процесса, при-

знака' и др. Показательным является тот факт, что количество моделей превышает количество синтаксически связанных значений.

Отдельную группу гомогенных УПС составляют малопродуктивные в современном чешском и русском языках беспредложные конструкции, с помощью которых обычно характеризуются различные формы притяжения друг к другу подобных понятий, явлений, лиц и др. Сопоставление чешских УПС данного типа, фиксируемых В. Фляйшгансом в словаре устойчивых оборотов XIII–XV вв., и единиц, включенных Фр. Чермаком в четырехтомный словарь современной чешской фразеологии и идиоматики, свидетельствует о том, что распространенные в определенный период развития чешского языка беспредложные УПС сегодня напоминают о себе всего несколькими единицами: *vytloukáni klínu klínem, látat díru dírou* и др.

Третий раздел первой главы посвящен исследованию тавтологических УПС, которое выявляет принципиальное количественное превосходство русских УПС-тавтологизмов по сравнению с чешскими. Объяснить этот факт, по видимому, можно как технически – неравноценностью чешских и русских источников материала, так и объективным фактором – неславянской природой тавтологизированных оборотов в русском языке. В частности, убедительной представляется гипотеза И. Пачаи о том, что тавтологизмы в русском языке являются элементом восточноевразийского субстрата, о чем свидетельствуют многочисленные примеры подобных конструкций в венгерском, уральском и алтайских языках, в языке хинди [Пачаи 1995].

Среди русских и чешских УПС в работе выявляется семь основных тавтологических моделей и предпринимается попытка раскрыть основные структурно-семантические особенности этой группы оборотов и определить истоки и динамику развития некоторых из них. По видимому, первоначально тавтология служила для выражения определенных синтаксических отношений, была своеобразным чисто грамматическим усилением, грамматически необходимым тавтологическим подтверждением глагольного содержания [Евгеньева 1963; Тихомирова 1963], в то время как в современных УПС тавтология обыч-

но выступает в функции «усиления значения во вновь возникающем целостном понятии» [Шестакова 1966: 335, также Ломов 1967; Самойлова 1971]. Анализ отдельных примеров позволяет конкретизировать семантические потенции тавтологизации лексем в рамках УПС.

Самую многочисленную группу тавтологических УПС русского языка составляют предикативные единицы, в которых тавтологическое обстоятельство выражается наречием, предложной формой существительного или существительным в форме творительного падежа. Тавтологизация глаголов движения в УПС данной модели способствует интенсификации обобщающего их признака – ‘скорость перемещения’ – и акцентирует сему ‘быстро’, в некоторых переходных глаголах интенсифицируется другая качественная сема – ‘в большом количестве’; интенсификация глаголов, обозначающих положение или состояние, интенсифицирует сему процессуальности ‘долго’; в глаголах, обозначающих произведение каких-либо звуков, интенсифицируются семы ‘громко’ или ‘долго’; во многих глаголах характер интенсификации можно обобщенно обозначить как ‘сильно’; в отдельных случаях УПС, образованные по данной тавтологической модели, могут выступать в качестве обозначения какого-либо специфического действия без выраженной экспрессивизации; частотное значение, реализуемое в неличных формах тавтологизмов, – ‘недомогание, дискомфорт, боль’.

В четвертом разделе первой главы рассматриваются периферийные конструкции русских и чешских УПС, построенные по нерегулярным моделям, в том числе обороты с усложненной структурой.

Вторая глава «Лексико-семантическая характеристика чешских и русских УПС» строится на анализе логики взаимоотношений компонентов внутри бинома и включает в себя два раздела.

В первом разделе рассматриваются УПС с полугомогенными (дивергентные редупликации) и гомогенными компонентами (тождественные повторы – *амредиты*). Русские мотивированные редупликации обычно образуются путем добавления к слову его шутливо-искаженной копии (*видал-миндал, вся-*

кий-який»), причем редупликатор часто имеет форму «эха-отзвучия», образованного по принципу м-редупликации, которая широко распространена в тюркских языках [Джафар 1990; Крымский 1928; Дмитриев 1948 и др.]. В чешских УПС-редупликациях чаще всего происходит обратный процесс – разложение одного слова на две рифмованные составляющие: *šmudlat = šudli mudli* [Blátná 1990]. Как следует из семантики компонентов УПС-мотивированных редупликаций, причиной лексикализации таких выражений обычно является смешение этих по природе безобразных единиц с образными, как в структурном, так и семантическом плане [Мокиенко 1989], ассоциация редупликатора с какой-то существующей в языке лексемой (*страстимордасти*), десемантизация полнозначных компонентов в рамках УПС (*neřekl ani mák ani pták*), затемнение значения мотивирующей основы (*шалмайболмай*), введение в оборот диалектного слова (*dát (dostat) mimry mamry*) и др. Под действием указанных факторов сочетания паронимов могут переходить в разряд редупликаций, а мотивированные редупликации – в разряд немотивированных.

В отличие от УПС-мотивированных редупликаций, в основе УПС-немотивированных редупликаций обычно лежит не лексема, а лишь «намеки» на нее. Вместо мотивирующей основы, выраженной определенной полнозначной лексемой, в УПС-немотивированной редупликации один из компонентов фонетически и ассоциативно соотносится с известным корнем (*dostat vyližum zajžum* – ‘ничего не получить’, где первый компонент фонетически ассоциируется с глаголом *vyližat* в значении ‘опустошить, начисто вылизав’ [Ouředník 1992]). В немотивированных редупликациях «фонетика играет более значительную роль, чем семантика» [Минлос 2005: 106], и их звуковая оболочка допускает разные варианты трактовки и этимологизации, вплоть до народной, при том, что способы образования таких УПС очень разнообразны. Среди источников единиц данного типа можно выделить звукоподражание (*сinky břinky, тары-бары*), т.н. детскую речь (*děťátko сару лару*), заимствования (*шурры-мурры, saku раку, шурум-бурум*) и др. Многие чешские УПС-редупликации

имеют явные параллели с немецкими единицами. Происхождение некоторых исконно чешских УПС-немотивированных редупликаций, по оригинальной теории В. Кржистека, было связано с развитием народного музыкального и танцевального искусства в период контрреформации. Именно этому времени чешский язык обязан такими несохранившимися сегодня УПС, как *caldy valdy* – ‘характеристика танцевальной мелодии’, *kanky panky* – ‘характеристика мелодии’ и др., которые, по-видимому, были живой тканью чешского языка периода Национального Возрождения [Křístek 1958].

Второй раздел второй главы посвящен исследованию семантических взаимосвязей внутри гетерогенных биномов, входящих в состав УПС. Семантические отношения компонентов в гетерогенных УПС чрезвычайно разнообразны: гипо-гиперонимия, согипонимия, аддиция, смежность, принадлежность к одному тематическому полю и др.

Наиболее распространенными типами семантической связи гетерогенных УПС являются противопоставление и сближение, определение которых в терминах синонимии и антонимии осложнено тем, что взаимосвязь парных понятий, объединяемых в бином, подразумевает комплекс составляющих, выходящих за рамки этих категорий. Логико-лингвистическая парадигма лексических взаимоотношений оказывается слишком узкой для определения семантических связей компонентов в УПС. Компоненты УПС с синонимичным типом связи чаще всего синонимами не являются, поскольку называют не один, а разные, хотя похожие предметы действительности. Так, ряд чешских и русских УПС в качестве компонентов использует не являющиеся языковыми синонимами слова, которые называют мельчайшие частицы чего-либо: *пух – прах, пух – дребезги, пух – перья, пыль – копоть, prach – popel, pára – dým*.

Семный и историко-этимологический анализ отдельных УПС позволяет проследить пути образования УПС с синонимичными компонентами, такие как рифмо-ритмическое уподобление компонентов-синонимов (*klam a tam, tam a klam*), упрощение семантики компонентов (*čert jako d'ábel*), уподобление семантики компонентов в рамках УПС (*через пень колоду*), пересечение

семантики компонентов в ходе их исторического развития (*честь и слава*) и др. Эмоционально-экспрессивная составляющая, характеризующая одно и то же понятие как положительное или отрицательное, может стать основой объединения синонимов в УПС в форме оппозиции (*nevoní ani nesmrdí*). Сопоставление значения УПС со значением синонимичных компонентов показывает, что при объединении синонимов в бинарную конструкцию значение первого компонента определяет значение УПС, но становится более диффузным и часто приобретает добавочный элемент ‘и что-то подобное’, подобно тому как это происходит с редупликантом мотивированной редупликации.

Среди УПС с компонентами-антонимами выделяются контрадикторные (*den a nos, ni Bohu ni besu*), в т.ч. деривационные (*chtě nechtě, всеми правдами и неправдами*), контрарные (*udělal by [pro ni] první poslední, от мала до велика*), векторные (*přiliv a odliv, казнить и миловать*) и конверсивные антонимы (*voda bere, voda dává, ни взять ни отнять*). На периферии рассматриваемой логико-лингвистической парадигмы антонимии оказываются квазиантонимы, в которых противоположность значения обусловлена ситуативно или иным образом. Так, квазиантонимами в рамках УПС оказываются понятия, выражающие пространственные отношения, (*вдоль и поперек, немота ani hot ani čehu*), т.н. цветовые антонимы, слова со значением вкусовых ощущений, обозначения первой и последней букв алфавита и др. Анализ этой группы УПС показывает, что антонимическая связь компонентов в УПС обычно связывает не языковые антонимы, а слова, противопоставленные в сознании человека ассоциативно в соответствии с его антропоцентричной моделью членения мира, для которой характерно выражение объективных понятий и отношений через субъективно воспринимаемые как таковые предметы и образы (например, противопоставление пространственных понятий *верх-низ* через бином *голова-ноги* или *hlava-pata*). Такие бинарные оппозиции выходят за пределы лингвистической антонимии и отражают склонность людей мыслить противопоставленными категориями [Селиверстова 2004].

В отдельную подгруппу выносятся в работе УПС с компонентами-панданами, то есть гетерогенными компонентами, не связанными формальными отношениями синонимии и антонимии, но сопряженными контекстуально (*ни росинки ни пылинки* – ‘об идеальной чистоте где-л.’, *nadělali dost masa a klobás* – ‘вызвали большое кровопролитие’; *политика кнута и пряника*, *metoda cukru a biče* – публ. ‘чередование жестких и мягких мер при обращении с кем-л.’), по смыслу (*od štědrého večera do vánoc [někde] pobýt* – ‘очень недолго где-то пробыть’, *меж обедней и заутреней* – новг. ‘об очень коротком промежутке времени’) или иным образом. По свидетельству историков русского языка и фольклора, многие из пандантных УПС сохраняют системные когнитивные связи компонентов, утраченные современным сознанием, но не языком (*огонь – вода*). К данной разновидности УПС можно отнести фольклорные формулы, крылатые слова, заимствованные обороты и др.

На примере данной группы анализируется наиболее общий принцип объединения компонентов УПС в бинომ – их отнесенность к одному тематическому и иерархическому ряду: числительные, анимализмы, фитонимы, соматизмы, названия кушаний, напитков и т.д. Исследование чешских и русских УПС в сопоставительном аспекте показывает, что компоненты многих русских УПС тематически связаны с выполнением какой-либо работы (обычно ремесленной), профессиональной деятельностью, обозначают понятия, относящиеся к деревенскому или крестьянскому быту, хозяйству, участвующие в религиозных обрядах. Для чешских УПС, за отдельными исключениями, данная тематика компонентов не характерна. В чешских УПС в качестве компонентов более активно, чем в русских, используются слова, обозначающие физические ощущения и эмоции, понятия, выражающие интеллектуальные, эмоциональные и моральные качества человека. В сравнении с русскими УПС, характерной особенностью чешских является использование в качестве компонентов обозначений разного рода абстрактных понятий, а не конкретных предметов.

Тематическая однородность компонентов УПС одновременно с рифмо-ритмической составляющей оборота в ряде случаев превалирует над семантической компонентой, которая уже не имеет принципиального значения. Значение таких УПС соответствует семантике продуктивной синтаксической модели с соответствующим тематическим наполнением первого компонента, что способствует появлению бесконечного множества вариантов реализации одной продуктивной фразеосхемы УПС: *ни нюху ни духу, ни нюху ни слуху, ни костей ни вестей, ни чиху ни пыху* и т.д.

В третьей главе «Идеографическая характеристика чешских и русских УПС» на основании сопоставления значений УПС из картотеки исследования с синопсисом идеографических фразеологических словарей русского и чешского языков констатируется широкий спектр фразеосемантических полей (далее *ФСП*), обслуживаемых в обоих языках рассматриваемым разрядом устойчивых единиц. В пяти разделах данной главы анализируются самые многочисленнее из формируемых по идеографическому принципу блоков: 'время', 'количество', 'благосостояние человека', 'тяжелая жизненная ситуация', 'характеристика человека' ('внешний вид и состояние здоровья', 'интеллектуальные способности', 'черты характера и особенности поведения', 'речь'). Отдельно анализируются оформленные как УПС речевые формулы, на примере редуPLICATION исследуется идеографическая специфика отдельной выделяемой по структурному признаку группы УПС.

Одна из основных относительно объективных категорий, субъективно характеризующихся в УПС, – 'время'. Центральное место в структуре данного *ФСП* занимают микрополя, включающие обороты, характеризующие временную ось и ее членение непосредственно ('всегда' – 'никогда', 'извечно', 'отдаленный момент в будущем', 'конкретный момент времени'). На периферии находятся микрополя, в которых УПС характеризуют временные отношения опосредованно и значительно пересекаются с другими *ФСП* ('точность', 'пунктуальность', 'динамика движения времени', 'периодичность', 'продолжительность', 'длительность' и др.). Образованное чешскими УПС аналогичное

ФСП почти в три раза меньше, чем русское, по объему составляющих его единиц, а индуктивно составляемый рисунок его элементов не включает ключевые для русского ФСП микрополя: ‘очень давно’, ‘всегда’, ‘издавна’. Наиболее характерны для чешского ФСП времени УПС, характеризующие длительность, непрерывность, течение времени, периодичность, повторяемость.

ФСП количества складывается в русской части корпуса из микрополей: ‘нулевое множество’, ‘неопределенно-малое множество’, ‘неопределенно-большое множество’, и ‘тотальное множество’. Как среди русских, так и среди чешских УПС, характеризующих количество кого- или чего-либо, самую объемную группу составляют обороты со значением ‘неопределенно-большое множество’. Особенностью данного микрополя в русских УПС является его наполненность тавтологизмами, в то время как для чешских тавтологических конструкций выражение этого значения не характерно.

Понятие количества как относительно объективной категории (то есть категории, характеризующей человека опосредованно – через его представление о нем) под антропоцентрическим углом зрения фразеологии пересекается с понятием материального достатка, то есть владением большим или малым количеством материальных благ. Не случайно в микрополях ‘нулевое множество’ и ‘неопределенно-малое множество’ ряд УПС строится именно на образе отсутствия у человека тех или иных предметов, выступающих в данной конструкции как показатели минимального достатка. ФСП ‘благосостояние человека’, формируемое русскими и чешскими УПС, представлено, в первую очередь, единицами, характеризующими крайнюю степень бедности. В качестве одной из особенностей УПС этого поля отмечается несовпадение логической мотивировки, внутреннего образа этих единиц в русском и чешском языках. Для русских УПС характерно иллюстрирование бедности через отсутствие еды, крова, одежды, хозяйства, утвари и под., в то время как семантически эквивалентные чешские УПС основываются на динамичном образе ухудшения благосостояния (обычно вследствие неправильного ведения хозяйства).

В **заключении** подводятся итоги проведенного исследования. В целом можно констатировать, что современное состояние УПС, отраженное словарями фразеологизмов и различных устойчивых выражений, является этапом на длительном пути развития этой категории в чешском и русском языках.

Специфика русских УПС на фоне чешских проявляется в определенном количественном превосходстве и более выраженном системном характере рассматриваемого класса единиц. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что ареальные контакты с тюркскими и финно-угорскими языками, а также византийская культура через посредство греческих богослужебных текстов оказали, по-видимому, существенное влияние на продуктивность и последующее активное развитие в разных регистрах русского языка парных сочетаний разных типов.

Специфика чешских УПС на фоне русских характеризуется меньшей степенью фразеологизации оборотов, которые в большинстве своем представлены отдельными активными структурными, структурно-семантическими моделями, ритмо-фонетическими моделями, некоторые из которых являются продуктивными в современном чешском разговорном языке. Разрозненные этимологические источники свидетельствуют о преимущественно заимствованной природе современных чешских УПС, большая часть которых уходит корнями в общеевропейский фразеологический фонд, имеет особенно отчетливые параллели в немецком языке. Изучение структурно-семантической специфики чешских УПС позволяет предположить, что данная категория не получила в чешском языке такого импульса для развития, как это произошло с русскими УПС.

Список работ, опубликованных по теме диссертации

1. Андрианова, Д. В. Парные словосочетания в славянских языках (как потенциальный материал лексикографирования) / Д. В. Андрианова // Проблемы истории, филологии, культуры. – Вып. 2 (24). – Москва ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2009.– С. 359–364.

2. Андрианова, Д. В. О тавтологическом объекте в русском языке / Д. В. Андрианова // Фразеологические исследования. Динамические тенденции в славянской фразеологии. – Грайсвальд, 2010. – С. 46–53.
3. Андрианова, Д. В. К вопросу о семантической сопряженности компонентов парных сочетаний русского и чешского языков / Д. В. Андрианова // Язык, коммуникация, перевод: контрасты и параллели : материалы V междунар. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. – М., 2011. – С. 304–310.
4. Андрианова, Д. В. Семантические особенности устойчивых парных сочетаний через призму Национального корпуса русского языка / Д. В. Андрианова // Rossica Olomucensia. XXI. Olomoucké Dny Rusistů, 7 – 9 сент. 2011 г. – Olomouc, 2011. – С. 483–487.
5. Андрианова, Д. В. Семантические трансформации в тавтологических парных сочетаниях русского языка / Д. В. Андрианова // Фразеология во времени и пространстве. – Грайсвальд ; Санкт-Петербург, 2012. – С. 195–199.
6. Андрианова, Д. В. Устойчивые синонимические парные сочетания современного русского и чешского языка библейского происхождения / Д. В. Андрианова // Славянская фразеология и Библия. – Грайсвальд ; СПб. ; Ружомберок. – 2013. – С. 14–17.